

АЛЛА АРЛЕТТ АНТОНЮК

**«КАК ОТРОК
ЗАРЕЮ
ЛУКАВЫЕ СНЫ
ВСПОМИНАЕТ...»**

ПАНТЕИСТИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА

Алла Арлетт Антониук
**«Как отрок зарею лукавые
сны вспоминает...».**
Пантеистическая новелла

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22142997
ISBN 9785448348099*

Аннотация

Эта книга – пантеистическая загадка. Автор выдвигает несколько поэтических версий, что же такое цветок – этот таинственный цветок, который так будоражит воображение ребенка в детстве: не ангелы ли это, которые пришли к нам на землю, чтобы нас утешить и излечить, и лечь к нашему изголовью в трагические часы и минуты жизни? И не становимся ли мы одним из этих таинственных цветков после смерти...

Содержание

Прелюдия	5
Анютины глазки	16
Сирень	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

«Как отрок зарею лукавые сны вспоминает...»

Пантеистическая новелла Алла Арлетт Антонюк

© Алла Арлетт Антонюк, 2016

ISBN 978-5-4483-4809-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем моим ученикам посвящается...

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мироздания курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

*А. А. Фет. «Измучен жизнью, коварством
надежды...» 1864*

Прелюдия

Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство

*А. А. Фет. «Как отрок зарею
лукавые сны вспоминает...» 1847*

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

*А. Ахматова. «Под крышей
промерзшей....» 1915*

Меня зовут Алька, и мне 5 лет. У меня полно друзей, и все они живут со мной на одной улице. Они немного старше меня, но меня это ни капельки не смущает, как и их не смущает то, что я так мал, что не умею даже читать, едва разбирая по складам различные вывески в городе. Из всех моих друзей лишь Тома – почти одних лет со мной. Ей – шесть,

и она еще не ходит в школу, но умеет читать. Она научилась читать еще года в четыре и всегда сидела с книжкой в руках на крыльце своего дома. Первые мои книжки читала мне она. Иногда к нам на крыльцо, окруженное запахом цветов и гниющих яблок, подсаживался Томин дедушка. Он был очень толстый, в соломенной шляпе, белой майке и соломенного цвета брюках на подтяжках, он тяжело дышал. Потом он вставал и шёл под навес, где у него были слесарные и другие молчаливые инструменты, развешанные по бревенчатым стенам. Из его мастерской всегда тянулся аромат только что распиленного дерева – необыкновенный запах, как запах девственного леса. Вообще-то Томин дед – бывший директор школы. Это сейчас он делает что хочет, потому что вот уже несколько лет как он на пенсии.

Больше всего на свете я любил, когда Тома выносила из дома на крыльцо свои сокровища и показывала их мне. Это были шкатулки и коробочки с ракушками, бусинками, цветными стеклышками, фантиками от конфет и шоколадок, значками, семенами цветов и многие другие безделушки, которые было настоящим пиршеством и наслаждением разглядывать с ней вместе.

Вместе с ней мы с неистощимой энергией сумасбродов гонялись за бабочками, стрекозами и цветами. Повсюду распуская свои длинные волны, нас обволакивали своей аурой цветы, далеко распространяя свое дыхание, и мы, находясь возле них, дышали их сладостной отрадой.

Из тех времен запомнился мне тот восторг, который испытывал я при виде некоторых цветов. Я чувствовал их благородную душу. Ореол сияния выделялся мне над растрепанными их головами. Они окутаны были для меня какой-то непроницаемой тайной. Их образ словно вел меня за собой. Я внимал их лепету, смеху и звону и сам распевал им песни. Часто я видел в них, быть может, то, чего не видели в них другие, воспринимая, наверное, более возвышенно, как дух чего-то вечного и не тронутого обыденностью.

Я, как бабочка, гонялся за незнакомыми мне цветами, испытывая к ним болезненное любопытство, какое испытывают к чужестранцам или посланникам неведомых стран. Я охотился за ними повсюду. Иногда это было скорее предчувствие нового цветка, чем сам цветок и догадка, что ничего подобного я ещё в своей жизни не встречал. Мне казалось, я зря проживу день, если не подержу в руках этот единственный для меня цветок, если мне вдруг не удастся им овладеть. А завладев, я закладывал его в книгу и время от времени заглядывал туда, чтобы упиться едва уловимым его ароматом.

Я любил старинные книги – с репродукциями и гравюрами. Испещрённые причудливым почерком пожелтевшие страницы – в них сами чернила приготовлены были из цветов и плодов, и краски рисунков растёрты, наверное, из травинки и ореха. Незабудки ли мне нашептали, колокольчики ли мне внушили эту любовь, но тонкие линии пера при-

водили меня в невообразимый трепет. Вычурные рамки, виньетки, символические монограммы – словно отголоски чужих историй или чужой переписки, они манили меня. За ними скрывались чьи-то тайны, пережитые разлуки или же, быть может, несложившиеся отношения. Они вводили меня в детскую меланхолию, словно полные несбыточных желаний стихи.

Как-то раз, посреди нашей с Томой исповедальной беседы, легко растворившись в полутьме, царившей внутри дома, она вернулась на крыльцо с огромной коробкой, которая была похожа на обувную, но только гораздо больше, как если бы та была из-под огромных ботфуртов великана. Когда Тома сняла крышку, под ней оказалось множество картонных – уложенных в два ряда – папок с застёжками, внутри которых содержались листы плотного, уже слегка пожелтевшего пергамента, сверху прикрытого ещё одним листом полупрозрачной бумаги, сквозь матовость которого мной угадывался размытый, едва уловимый разветвлённый силуэт. Когда она с шелестом переворачивала шуршащие листы тонкой бумаги, под ними обнаруживались... засохшие растения.

– Что это? – спросил я, впервые увидев эту диковину из множества других, составлявших её благословенные коллекции, и уже наострил свой чуткий нос конкистадора.

– Это гербарий, – просто сказала она мне, не знавшему, что такое «гербарий».

– Когда дедушка работал в школе, ему это служило на-

глядным пособием на уроках биологии, – предвидя мои вопросы, отвечала она.

– А что это за растение? – неутомимо спрашивал я, пристально рассматривая зелёный узор листьев.

– Это редкое растение... очень редкий папоротник...

– Откуда ты знаешь?

– Здесь написано, – отвечала она, указывая на наклейку под растением – миниатюрный манускрипт, испещрённый мелкими буквами старинного почерка.

Так как Тома умела читать, она с деловитостью учёного воспроизводила для меня вслух эту тайнопись: без труда прочитывая названия растений и комментарии к ним, написанные красивым четким дедушкиным почерком.

Гербарии заворожили меня с первого взгляда. Их шелест, словно шелест листвы, их запах – запах отцветших трав и цветов, – причудливые линии травинок, виньеток, украсивших их по контуру листа, в которых угадывался силуэт таинственных цветов, тонкие, как пальцы, стебельки, корзиночки соцветий, всевозможные разветвления – все это многообразие линий и форм волновало и вдохновляло меня, как неисчерпаемость самой жизни.

Лист за листом перебирала Тома эту прекрасную повесть, запечатлённую на истёртых листах бумаги.

– А где дедушка взял этот цветок? – спрашивал я, прислушиваясь к винному аромату ветви незнакомого ещё мне цветка, сорванного, быть может, когда-то ранним утром

до восхода солнца.

– В лесу... когда он ездил в Брянск к нашим родственникам... Он нашёл его, гуляя в лесу...

Я взял в руки пергамент и прильнул к гербарию. От него веяло духом леса и далеких странствий.

– Это папоротник... Он зацветает один раз в сто лет, – сказала она, словно растравливая моё воображение путешественника или давшего обет завоевателя.

– И твой дедушка видел, как он цветёт?

– Да нет. Ведь для этого нужно отправиться в лес в ночь на Ивана Купалу... ровно в полночь..., – произнесла она, и от её слов на меня вдруг дохнуло прохладой, будто дыханием Лесного царя.

Тамара вытаскивала один лист гербария за другим, и шелест пергамента под ее пальцами магнетически действовал на меня. Я смотрел не отрываясь на причудливые растения самых невообразимых форм: с корзиночками, соцветиями, усиками, завитками... Тогда я впервые узнал, что цветы и травы на самом деле могут иметь совсем другие названия, а не те, какими обычно мы привыкли их называть с детства. Не извиняясь, что мешал столь премудрой особе читать, я постоянно прерывал её, засыпая своими вопросами, и если она не знала, что ответить, Тома спрашивала об этом у дедушки, часто сидящего тут же, рядом.

– О, это действительно чудо из чудес! – как-то на выдохе отвечал дедушка. – Такая луковица зацветает лишь раз

в столетие во дворце Константинопольского императора...

Водя пальцем по бумаге, Тома свободно читала всю эту тайнопись, сбиваясь лишь изредка в тех местах, где стиль букв переходил на латинский. Эти таинственные свитки с символикой и цветами были близки какой-то сокровенной части моей души. Названия растений и цветов звучали для меня просто как заклинания.

Когда она умолкла, сомкнув застёжки огромной папки с гербариями, дедушка тоже убрал свои очки в очешник. Во дворе постепенно становилось темно. Он открыл ворота, и вечерний луч солнца, ворвавшись, осветил страстоцвет на клумбе, расположенной у самого забора. Через открытые ворота можно было видеть, как гнали стадо коров с пастбища на горе Ялунихе, Позвякивание колокольчиков предвещало их приближение. Жители улицы шли встречать каждую свою корову, приманивая её кусочком белого хлеба и загоняя в хлев. Завтра с утра мама пойдёт к соседям, чтобы купить банку парного молока.

Красною кистью рябина зажглась.

Падали листья. Я родилась.....

Мне и донныне хочется грызть

Жаркой рябины горькую кисть.

М. Цветаева. «Красною кистью...»

1916

Придя домой, я вспомнил, что прошлой осенью я заложил в одну из книг, приглянувшуюся мне своими старинными виньетками, листья деревьев, так поразившие моё воображение своей необычайной формой и яркой осенней окраской. Я бросился к книжной полке и стал отыскивать эту книжку, такую необходимую мне сейчас, – ведь мне не терпелось взглянуть, что случилось с листьями моего могучего дерева. Я принялся перелистывать страницы и обнаружил среди виньеток, что даже засохшие, они были в отличной форме, сохранив всю причудливость конфигурации листа и привлекательность окраски. Сам того не ведая, я был теперь обладателем гербариев.

Среди моих трофеев особенно меня впечатлила одна ветка. Она больше всего подходила для того, чтобы сделать из неё самый настоящий гербарий, эту новую для меня диковинную вещь. Я вырвал из альбома плотный лист бумаги, аккуратно подравняв его по краям, и с помощью клея прикрепил к нему ветку рябины с гроздью красных ягод. Теперь нужно было раздобыть где-то лист кальки. Я залез в отцовский «дембельский» альбом, который он привез когда-то из Германии и которым так дорожил, в котором на моё счастье страницы были отделены одна от другой прозрачно-матовой бумагой, точно такой, как была мне нужна. Я знал,

что получу взбучку от матери, но уже не мог остановиться в своём порыве детского сумасбродства. Я вырвал шуршащий лист из отцовского альбома и прикрепил его на свой благословенный гербарий. Оставалось только сделать на нём идентифицирующую надпись, но сам я сделать этого не мог, и мне нужна была помощь Томиного дедушки.

С детским румянцем на лице помчался я на следующий день к Томе со своим первым гербарием, чтобы дедушка помог мне надписать новое имя на этом моем первом сокровище из моей благословенной коллекции.

Как и Тома, я любил сам взращивать цветы. Она давала мне семена, которых у неё было превеликое множество. Я ожидал часа, когда посеянные мною семена взойдут. Ни с чем не сравнимое наслаждение было видеть, как долгожданный росток пробивался сквозь землю, как он выпускал упругий стебель, как отрастали его листья. Какие-то избранные *spécimens* мы пересаживали в отдельные горшки и баночки. Мы менялись отсутствующими у нас экземплярами. Словно таинственная лаборатория функционировала в недрах наших дворов.

Уже тогда зародилась эта захватившая, накрывшая меня с головой идея: каким-то образом поймать в плен красивейший цветок и увековечить навсегда для себя его красоту. Я начал собирать их со всей страстностью проснувшегося во мне охотника. Что искал я в них? Что таила в своей непро-

глядной глубине эта моя детская выходка? Я и сейчас с трудом даю определение этому моему сумасбродству.

Не всякий цветок, однако, мог заинтриговать меня. Когда я начинал делать свои первые гербарии, у меня не было чётко выстроенной концепции – всё происходило стихийно, как-то само собой. Эстетические принципы начали вырабатываться гораздо позже. Я собирал не всё подряд, доверяясь своему чутью. Чем роскошнее были цветы, тем вульгарнее казались они для меня, и чем проще были цветы, тем изысканней казались они мне. Как таинственное выражение загадочной силы жизни – были для меня эти простые, но благороднейшие цветы с благороднейшей душой. Я каким-то звериным чутьём определял нужный мне для гербария цветок, который непременно вписался бы в мою изысканную галерею, – от него должна была исходить первобытная сила и первозданная цельность.

Я не питал любви к садовым цветам, как питают тайную неприязнь к людям знатного рода. Их роскошные букеты ничего не обещали мне нового в смысле моих открытий. Мои цветы принадлежали к другому ордену.

Я был узником, прельщённым
неземной красотой
лишь *моего*
цветка.

Это деревья познания
Облетевшие цветы...

*М. Волошин. «Я люблю
усталый шелест...»*

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

VIOLA WITTROCHIANA
ФИАЛКА ВИТТРОКА

*По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: – А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались – «анютины глазки».*

Н. Рубцов. Цветы

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился,
Все цветы мне надоели,
Кроме...

(Детская считалочка)

Самые разные цветы были участниками моих шальных детских забав – те, что своими головками, разинутыми створками, своим зевом или глазками походили то на птиц, то на зверей, то на музыкальные инструменты: львиный зев,

космея, настурция, Венерин башмачок, мышиный горошек, стручки акации... Каждый раз какая-нибудь маленькая фея поджидала меня, сидя в цветке выюнка.

Среди различных забав моего детства была ещё одна – самая настоящая страсть, неподдающаяся сейчас никакому объяснению, – создавать *секретики*. Не все знают, что это такое. Это чудо показала мне Тома. Это такой маленький тайничок, укромное, одному лишь тебе известное место. Основным мотивом этого паноптикума были *аниотины глазки*, именно они здесь имели какую-то свою силу и свою власть. Я сразу ощутил их принадлежность к избранным существам. Ни у одного из цветков не видел я столь бесхитростного вида, и в то же время он был тот, которому не было равных.

– Хочешь, покажу тебе мой *секретик*? – как-то раз сказала Тома, взяв меня за руку, и грубо потащила к месту своего тайника. Он находился в тенистом палисаднике, где разрывая землю уверенной рукой, она буквально нащупала в укромном месте под деревом толстое прозрачное стёклышко. Счищая землю, словно пыль веков, она круговыми колдовскими движениями начала протирать стёклышко, и от её магических движений через стекло проступила чудная миниатюрная картинка – на фоне чернеющей бронзой земли на меня глядели огромные голубые глаза диковинного цветка. Причудливые листики, веточки, камушки, ракушки и стёклышки кольцом обрамляли этот маленький атласный букетик под землей.

– Что это за цветок? – спросил я, получивший доступ в какой-то доселе недоступный мне мир с его красотой подземных миниатюр из шелковистых цветов – с глазами и локонами, – лежавший совершенно в стороне от других миров.

– Это *анютины глазки*, *фиалка Виттрока*, – скупое, ничего больше не объясняя, отвечала Тома, и это название – с его звучностью, страстностью и волшебством – отозвалось во мне, как заклинание.

Мы ещё какое-то время любовались этим чудом, словно из ночи выглядывающим из-под стекла цветком, а потом она, будто спохватившись, что недобрый глаз может заметить тайное сокровище, начинала спешно зарывать его, плотно присыпая землёй.

У неё получались чудные *секретки*. Она брала, например, цветок колокольчика с его поникающей головкой и собранными в розетку листьями или выбирала удивительной расцветки бархатный цветок анютиных глазок – ярко фиолетовый, с желтыми пятнами у основания лепестков, с красивой каймой или полосками по краям, – и тогда из-под стекла на меня глядело какое-то таинственное существо. Такое же сильное впечатление произвели на меня и крупные махровые цветки львиного зева (если сжать этот цветок с боков, он и вправду раскрывал свою пасть, напоминая голову льва).

В тайне от неё я тоже начал делать свои *секретки*. Отыскивая нужные мне цветы, я готовил для них бархатистое ложе в обрамлении камней и выкладывал моё сокровище

на фоне земли, накрывая его стеклом, будто стеклянной витриной в музее. Я всё копал и рыл землю, словно хотел докопаться до самого центра земли. И как великую тайну, показывал затем свои *секретки* другим ребятам, вдохновляя и их тоже на их собственные фантазии. Со всей своей непреходящей одержимостью и чрезмерной экзальтацией прибегал я в свои тайные места один, чтобы проверить, на месте ли мой *секрет*, не случилось ли с ним что, с эти моим сокровищем; или же чтоб изменить композицию, или вообще поменять место тайника, боясь, как бы чья-нибудь разбойничья душа не разорила его. И эти заботы вносили беспокойство даже в мои сны.

Из всех этих детских игр и забав – и что-то таинственное есть в этой «развязке» – родилось затем совсем другое, новое и бесспорно исключительное увлечение, прообразом которого и были мои нежные *секретки*.

Это наше с Томой увлечение, которое всё тянулось ввысь, как негибаемый

цветок, переросло затем для меня еще в новое
страстное увлечение – создавать
гербарии из редкостных
для меня
расте-
ний.

Сирень

Lilas

В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела...

А. А. Фет. «Пчелы»

1854

*Tu viens chercher la nuit
les fleurs que tu cueillis...*

А. Rimbaud. «Ophélie», 1870¹

Об этих цветах ходило множество легенд. Цветок не менее таинственный, чем *анютины глазки*. Мы тайно рвали сирень в чужих палисадниках. Трудно было себе представить палисадник без куста сирени.

С приходом весны в городе всё начинало кружиться в мареве сирени и черемухи. Благоухание томило по ночам. Про сирень говорили, что чем больше её рвешь и обламываешь, тем обильнее она цветет.словно священный ритуал, словно архаическая церемония жертвоприношения – был этот обы-

¹ «...ты при звездах ночью Сбираешь свой букет...» (А. Рембо. «Офелия». Перевод с франц. Б. Лившица)

чай в моём городе: под покровом роскошной тьмы отправляться в ночь, чтобы тайно нарвать огромный букет сирени – почему-то самым «изысканно-варварским» способом – в чужих палисадниках.

Совершенно несправедливо забытый обычай. Сегодня уже не встретишь на улицах прохожего, идущего с букетом сирени, яблони или черемухи. Как напоминание об этом утраченном ритуале такой букет можно встретить лишь написанным маслом на картинах художников, которые в угоду ностальгическим грёзам детства и юности рисуют их сегодня в огромных количествах, продавая затем ностальгирующим покупателям на маленьких рыночках.

А в моём детстве было огромное море живой сирени и черёмухи. Почти у каждого дома росло своё черёмуховое дерево.

Весна занималась, и аромат погружал город в сладкий туман – городок весь зацвёл и клубился черемуховым дымом. Окутанные девственным цветом, палисадники благоухали, как Аравийские сады. Люди шли и шли с огромными охапками этих безумно благоухающих цветов. Букеты приносили домой и ставили в вазы – на окно или на стол (такие круглые столы были тогда у всех в доме, обязательно покрытые скатертью).

Какой-то зов предков позвал и меня в ту ночь отправиться за букетом сирени. Сначала долго спорили, куда именно пойти: залезть в соседний палисадник или отправиться

в городской Сад Металлургов, где сирень росла сплошной стеной вдоль решётки, возвышаясь пенными бурунами и источая невероятно хрупкий аромат капризной души. После долгих споров все-таки решили с мальчишками отправиться в городской сад. К тому же, там были танцы и музыка, и вся молодежь города стекалась туда – кто просто потолкаться, кто потанцевать.

Сад располагался амфитеатром, внизу которого находилась танцевальная площадка, а сиреневые аллеи были его галёркой. В призрачном свете фонарей молодые люди спускались вниз по лестницам на танцплощадку, предварительно покупая в кассах Дворца маленький билетик.

Кто был поскромнее, – толкались за ограждением. Самые нерешительные наблюдали зрелище сверху, словно заглядывая в оркестровую яму сверху вниз, с галерки амфитеатра. Мы, мальчишки, висели на заборе, куда взбирались невероятными усилиями, и ветки сирени благословенно свешивались нам прямо в руки. Музыка гремела, грохотали электронные гитары, раздувая эфемерную цветочную пыль в воздухе, отчего атмосфера сада делалась еще таинственней. В разгар танцев становилось настолько темно, что разглядеть, что происходит в кустах сирени, было невозможно. Темно было даже для летучей мыши. Этим мы и пользовались, совершая ночной обряд, жадно обламывая ветки самой крупной в городе сирени.

Вот и на этот раз, дождавшись, когда спустится над садом

плотный покров ночи, мы отправились на вылазку – совершать свой прыжок во мглу.

Полночный сад и дворец выглядели феерично. Чтобы проникнуть внутрь, нужно было пройти через чугунную калитку. Фиолетовые тени падали от деревьев в свете фонарей. Пышные кусты в истоме распускались в ночи. Звезды мерцали над этим чёрным бездонным омутом. Кузнечики на все голоса стрекотали в траве, придавая ночи волшебный колорит. Романтичные фонарики освещали крутой спуск лестниц, ведущих вниз. Танцевальная площадка светилась внизу яркими огнями. Девчонок было много. Они крутились в центре площадки. В тесной душной интимности ночи, в порыве танца, разгоревшиеся румянцем, их лица выглядели одухотворенными. Парни жались по краям, улыбками сверкая в безумном свете неонов и глазами выбирая себе пару. Веселье разгоралось, и никому и дела не было до нас, забравшихся на забор мальчишек с одной единственной целью – добыть букет сирени и принести его домой.

Эта страстная детская выходка почти не находит сейчас объяснения. Её можно было бы объяснить и понять лишь как атавизм, как отголосок древнего ритуала, возможно, имевшего отношение к жертвоприношению, или же к какому-то древнему празднику, связанному с возложением на алтарь цветов, а может, к ритуалу, призванному совершить воскрешение цветов, аромат которых, был бы способен – как в это верили древние – умилоствить или задобрить богов в те

критические часы и минуты, когда речь шла о жизни и смерти рода или клана. Я бы искал и другую причину этих дерзких вылазок – ведь ночь, смыкая нас с тайной и чудом, непреодолимым образом манила и звала на приключения.

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь – стезя.

С. Есенин. «Жизнь – обман...»

1925

Не случайно город мой укутан был черёмухой и сиренью – город был влюблён в поэта, певшего о черёмуховом цвете, и который переплавлял аромат её цветов в прекраснейшую поэзию, которой потом грезил вся юность моего города.

А поднимающиеся ввысь пары этих грёз снова изливались затем на землю, вырастая новым цветущим деревом в палисадниках моих жителей, вдохновленных этой поэзией.

Так бывает всегда – все сны, все грёзы, рождающиеся во время дурманяще цветущих деревьев, курятся затем дымом поэзии. А дымки заставляют искущённого романтика посадить новое дерево, своё собственное, которое снова будет благоухать и дурманить сны. И так бесконечно... Мечта и действительность, разве не так они взаимосвязаны?

Романтические грёзы моих жителей, изучавших в школе стихи любимого поэта (*«Белая береза под моим окном при-*

накрылась снегом, точно серебром...”) воплощались по весне в прекрасное дерево, высаженное однажды весной – бесконечное коловращение эмоций, живущих в стихах и палисадниках.

Сейчас, правда, уже никто не рвёт сирень, может, поэтому её стало так мало на кустах. Всё меньше и меньше цветёт черемуха, запах которой когда-то был просто обворожительным. И поэтому, возможно, никто больше не пишет стихов – ни про сирень, ни про черёмуху...

Для меня таинственность сирени была не в букетах. Легенда была связана с её цветком – тем маленьким гвоздиком, которых бывает огромное множество на плотных кружевах кроны, вытканых из многочисленных четырехлистников. Само чудо состояло в том, чтобы отыскать на этих гроздиках цветок с *пятью лепестками*.

Этот секрет мне открыла Тома, моя маленькая соседка. Она, нарвав букет, всегда тщательно обследовала каждую гроздь, каждый крошечный цветочек, отыскивая заветный лиловый пятилистник. Я не верил, что такое возможно, а когда она всё же находила и показывала его мне, я не мог скрыть своей зависти, почему же не мне достался этот волшебный цветок с пятью заветными лепестками.

– Зачем тебе этот цветок? – говорил я завистливо, – отдай его мне! – Я уже представлял, как сделаю из него прекрасный гербарий с огромной кистью посередине, а удивительный маленький цветочек займет там свое достойное место

на самом верху.

– Не могу, он имеет волшебные свойства.

– ?!

– Нужно загадать желание и съесть его – желание обязательно сбудется, – таинственным шёпотом говорила она, раскрывая неожиданно мне ещё один свой секрет.

Я лихорадочно стал обламывать хрупкие ветки сирени и с охапкой уединялся, чтобы пуститься на поиски пятилистника. Но чудо не открывалось. Доставшиеся мне цветки были все одинаково скучны – с четырьмя лепестками, как и полагалось им быть. Может, поэтому я с такой страстностью пускался в ночные вылазки, в которых меня не пугали даже преследования и преследователи. Часто такая вылазка могла закончиться грозным свистком патрульных, которые дозором обходили городской сад. Тогда мы спрыгивали с забора и со смехом неслись с букетом в уединённое место, чтобы там спокойно обследовать свою добычу. Устроившись под фонарём, мы залезали в цветы, отыскивая среди них самый счастливый цветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.